

ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

К 110-летию со дня рождения Михаила Булгакова

"В России этой книги практически нет", утверждает ее автор, и, стало быть, моя задача сегодня - не столько отрецензировать увесистый том, вышедший в свет четыре года тому назад в Израиле, сколько рассказать о нем хотя бы челябинскому читателю. Ибо мало кто вообще подозревает о существовании этого издания.

Пастернак однажды сравнил книгу с "куском дымящейся совести", и эти слова удивительно подходят к труду Лидии Яновской "Записки о Михаиле Булгакове".

Именно Яновская была автором первой изданной в Советском Союзе монографии об авторе "Мастер и Маргариты" ("Творческий путь Михаила Булгакова", Москва, 1983). Именно Яновская подготовила - по

праву авторитетнейшего текстолога - тщательно выверенный текст знаменитого романа для пятитомного Собрания сочинений. (Надо ли объяснять вам, что от текстолога зависит, как будет выглядеть "канонический текст, воплощающий последнюю волю автора"? Ответственность двойная - и перед читателем, и перед покойным писателем.)

Но в том-то и дело, что о таком, казалось бы, сухом и узкопрофессиональном предмете рассказано столь увлеченно, что увлеченность эта невольно передается читателю. То, что на поверхностный взгляд могло показаться сугубо филологическими изысканиями (подумаешь, история публикаций булгаковских текстов!), читается с нарастающим вниманием, ведь перед нами исполненная драматизма История Борьбы За Точность.

Даже десятилетия спустя после описываемых в книге событий Лидия Марковна не может спокойно вспоминать о своих сложных взаимоотношениях с редакциями газет и журналов, с отделом рукописей Библиотеки имени Ленина, с критиками и литературоведами. Иными словами, обо всем том, что обычно остается (и должно оставаться, по общепринятому мнению) "за кадром", "за кулисами"...

Читатель, если он уже дорвался до "Записок...", вынужден сам для себя решать вопрос об уместности претензий и обид в книге, которая между тем сообщает и новые сведения об окружении Булгакова, о родословной Елены Сергеевны, о Маяковском, об Ильфе и Петрове, о влиянии Библии на творчество Михаила Афанасьевича, о многом другом. Ну что же, я, прочитав книгу, однозначно склоняюсь на сторону Яновской, хотя согласиться с ней - означает посягнуть (хотя бы мысленно!) на авторитет столь "священных коров" от филологии, как Мариэтта Чудакова, Анна Саакянц и другие.

Я делаю это сознательно, потому что автор не только пытается защитить свое доброе имя (у нас это как-то еще не очень принято, да?

Или просто не все могут себе позволить подобную роскошь?), но и вступает за честь вдовы писателя. "Аудитория - и равнодушные зарубежные специалисты, и осторожные российские (...) - скучающе молчала. Как будто никто не знал, что - все вместе и каждый в отдельности - мы обязаны Елене Сергеевне Булгаковой тем, что роман был дописан автором, и тем, что он уцелел; обязаны ей сохранным чудом черновых тетрадей романа, приоткрывающих тайны творчества; и тем, что она писала свои талантливые, умные и сердечные дневники (...)". Нападки прости-Господи-булгаковедов на Елену Сергеевну вызывают в памяти язвительные слова, принадлежащие, кажется, Анне Ахматовой: "Филолог Щеголев никак не может простить Пушкину, что тот женился на Наталье Николаевне, а не на Щеголеве".

Очень скоро после смерти Елены Сергеевны исследовательница лишилась доступа к архиву Михаила Булгакова в Ленинке. Когда же после 17-летнего перерыва Лидия Марковна снова смогла приступить к работе над рукописями, она обнаружила, что архив ... разграблен. Значительно истощен. По-моему, в "Записках..." нигде не звучит слово "мародерство", но оно подразумевается. Из письма автора книги в Прокуратуру СССР: "Подлинная (...) денежная стоимость этого архива - огромна и непрерывно растет, как растет цена старых картин. Думаю, уже теперь денежная стоимость этого архива многомиллионна, а если популярность Булгакова не уменьшится, то будет и миллиардной". Общее достояние было, как принято сейчас говорить, приватизировано - тихой сапой.

Я думаю, что рано или поздно мы узнаем все подробности этой истории, слишком отдающей криминалом. Узнаем не потому, что "рукописи не горят" (горят, еще как горят!), но потому, что времена меняются - даже тогда, когда нам кажется, что это не так. Слишком часто мы не верили в суд Истории и слишком часто История смеялась над нашим неверием. "Записки о Михаиле Булгакове" - важное

свидетельство на этом суде, и от этого свидетельства не отделаться замалчиванием или руганью.

А пока история не сказала свое веское слово, пока мы не взглянули на самих себя трезво и беспристрастно, попытаемся услышать и понять доносящийся со страниц книги одинокий голос человека. Тогда появляется шанс, что и мы когда-нибудь будем услышаны и поняты.

P.S. Отрывок из книги Лидии Яновской будет опубликован в ближайшем номере журнала "Уральская новь".

На снимке 1: Елена Сергеевна Булгакова в 1920-е гг., в то время еще - Шиловская.

Дмитрий КОНДРАШОВ